

ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

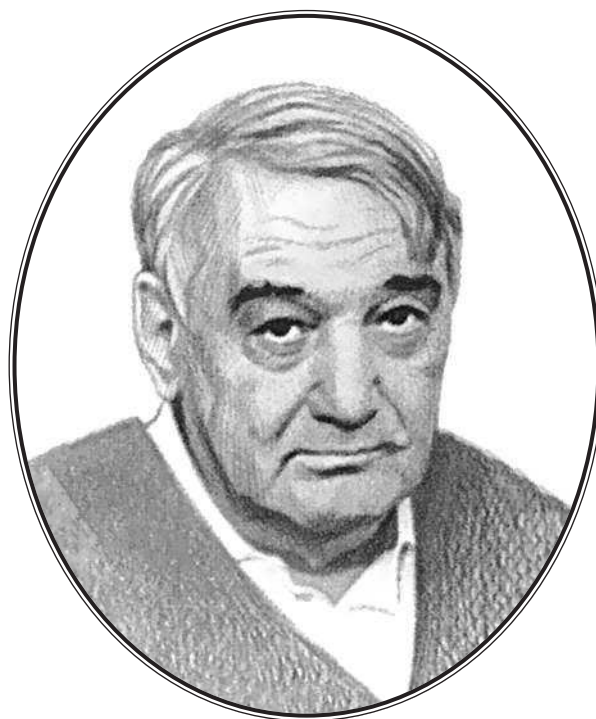
Если в прошлом историки в массе своей занимались фиксацией фактов, отвечали на вопросы «когда что-либо произошло?» и «как это происходило?», то современных исследователей волнуют другие проблемы: «почему так произошло?» и «что стало причинами произошедшего?». И поэтому те, кто сейчас хочет докопаться до исторической истины, помимо образования, соответствующих знаний, умения пользоваться источниками и тому подобного, должны обладать еще и смелостью. И Лев Николаевич Гумилев был, без сомнения, одним из тех, кто такой смелостью обладал сполна.

За долгие годы накопления материала историки прошлого выстроили надежные и, казалось бы, неприступные стены, охраняющие выпестованные веками догмы. Взять к примеру, «классический случай» — татаро-монгольское нашествие. Это — страшная беда для Киевской Руси, которую монголы утопили в крови, и последствия нашествия (само слово обязывает — от него прямо веет страхом и разрухой) были катастрофическими. Такая точка зрения казалась чем-то само собой разумеющимся. И когда Лев Гумилев предложил альтернативу, развернув ситуацию на 180 градусов, это вызвало едва ли не шок. То, что позиционировал Гумилев, выглядело невероятным — монголо-татарского ига не было вообще, а имел место взаимовыгодный симбиоз «ты мне, я тебе», благодаря которому Русь не была поглощена якобы «просвещенными», а на самом деле желавшими только порабощения европейцами. «Нашествие» и «иго» — результат «монголофобии», вообще отношения к восточным народам как варварам априори, «черная легенда», возникшая благодаря нечистоплотности древних летописцев.

Наше издание состоит из двух книг — «Древняя Русь и Великая степь» и «От Руси к России». Эти книги занимают особое место в творчестве Льва Николаевича. Они были написаны уже в конце жизни; от «Руси к России» стала последней работой, корректуру которой он держал в своих руках. «Древняя Русь и Великая степь» и «От Руси к России» — это квинтэссенция мыслей и идей Гумилева, касающихся взаимодействия Древней Руси и обитателей азиатских степей.

В своих рассуждениях Лев Николаевич опирался на созданную им теорию пассионарного этногенеза.

Пассионарность Гумилев определял так: «активность, проявляющаяся в стремлении индивида к цели (часто иллюзорной) и в способности к сверхнапряжениям и жертвенности ради этой цели». Не нужно в действиях Александра Македонского, Ганнибала, Жанны д'Арк, Наполеона и других выдающихся исторических персонажей искать рациональное зерно, их действия и побуждения были вызваны избытком пассионарности. Ход этногенеза зависит от множества факторов, но самый главный — явление, названное Гумилевым «пассионарным напряжением». Фаза подъема инициируется быстрым увеличением числа пассионариев; ак-

Лев Николаевич Гумилев.

*По рисунку на почтовой марке Казахстана,
выпущенной к 100-летию ученого*

матическая фаза характеризуется максимальным числом пассионариев; фаза надлома обусловлена резким уменьшением их числа и вытеснение их субпассионариями; в инерционную фазу этнос переходит в результате медленного уменьшения числа пассионарных особей; и, наконец, фаза обскурации, при которой происходит почти полная замена пассионариев субпассионариями — они либо губят этнос целиком, либо не успевают погубить его до вторжения иноплеменников извне.

Взгляды Льва Гумилева имели и своих горячих сторонников, и жестоких критиков. И это правильно. Теория пассионарного этногенеза — это не Нагорная проповедь, а Лев Гумилев — не Христос исторической науки. Важно другое — история как наука и как общечеловеческое явление не должна застаиваться, она должна развиваться. И это, к счастью, происходит благодаря таким людям, как Лев Гумилев, — пассионариям, не ищущим корысти, а ведущим человечество вперед...

ЕСТЬ ЛИ ПРОРОКИ В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ?

В 1987 году Лев Гумилев надиктовал на магнитофонную пленку свой... авто-некролог. Нет, уходить из жизни в тот момент он не собирался и объяснял необходимость некролога о самом себе следующим образом: «Личная биография автора никак не отражает его интеллектуальной жизни. Первую автобиографию мы все пишем для отдела кадров, а вторую, некролог, обычно пишут знакомые или просто сослуживцы. Как правило, они выполняют эту работу халтурно, а жаль, ибо она куда ценнее жизнеописания, в котором львиная доля уделена житейским дрызгам, а не глубинным творческим процессам.

Но можно ли судить за это биографов: они и рады были бы проникнуть в «тайны мастерства», да не умеют. Тайну может раскрыть только сам автор, но тогда это будет уже не автобиография, а автонекролог, очерк создания и развития научной идеи, той нити Ариадны, с помощью которой иногда удается выбраться из лабиринта несообразностей и создать непротиворечивую версию, называемую научной теорией».

Что верно, то верно — биографу невозможно проникнуть в «тайны мастерства» и «загадки души». Остаются факты, вехи биографии, книги и исследования, из которых и составляется образ человека, оставившего заметный след в истории...

«Я, Лев Николаевич Гумилев, родился 1 октября 1912 года в семье двух поэтов — Гумилева Николая Степановича и Ахматовой Анны Андреевны, в городе Царское Село. Детство свое я помню очень туманно и толково сказать о нем ничего не могу». Так, без особых изысков, Лев Гумилев начал свой автонекролог. Вскоре после рождения его перевезли в дом Гумилевых в Царское Село. Анна Ахматова (точнее, тогда еще Горенко-Гумилева) практически сразу передала «материнские функции» бабушке, матери Николая Гумилева Анне Ивановне. Затем Лев вместе с бабушкой перебрался в Слепнево, семейное имение в Тверской губернии. «Отношения у бабушки с крестьянами были самыми наилучшими, — вспоминал Лев Николаевич, — потому что детство свое она провела в этой деревне, с этими девочками, которые потом стали бабами... В 1917 году, когда, естественно, надо было уезжать, крестьяне помогли нам уложиться на возы и перевезли в соседний город Бежецк, где я и прожил первые 6 лет своей жизни».

В следующем году Анна Ахматова и Николай Гумилев развелись. В конце августа того же, 1918 года, А. И. Гумилева вместе со Львом переехала в Петроград. Через год бабушка с внуком уехали в город Бежецк недалеко от Твери. Здесь, как вспоминал Л. Н. Гумилев, у него впервые появился интерес к истории: «За это время папа приезжал к нам раза два или три. Один раз он занимался со мной, рассказывая мне, что такое стихи и как я должен изучать историю; велел дать мне книжку о завоевании готами Италии и победе византийцев над готами, которую я потом внимательно прочитал. И я помню только, что бабушка моя, Анна Ива-

новна, говорила: “Коля, зачем ты даешь ребенку такие сложные книги?” А он говорил: “Ничего, он поймет”. Я не только понял, но и запомнил все до сего времени».

В последний раз Лев видел отца в мае 1921 года. 3 августа того же года Николай Гумилев был арестован по подозрению в участии в заговоре «Петроградской боевой организации В. Н. Таганцева». А в ночь на 26 августа он был расстрелян.

В Бежецке Анна Ивановна вместе с родственниками, Кузьмиными-Караваевыми, снимали квартиру на Рождественской улице, занимавшую весь второй этаж; впоследствии из-за «уплотнения» в распоряжении Гумилевых осталась единственная комната.

В Тверской губернии Лев прожил до 17 лет. В начале сентября 1917 года, сразу после окончания школы, он приехал в Петроград. Он поселился в квартире Н. Н. Пунина, третьего мужа Анны Ахматовой. Отношения с Пуниным и матерью, были, мягко говоря, непростыми: «Жить мне, надо сказать, в этой квартире, которая принадлежала Пунину, сотруднику Русского музея, было довольно скверно, потому что ночевал я в коридоре, на сундуках. Коридор не отапливался, был холодный. А мама уделяла мне внимание только для того, чтобы заниматься со мной французским языком. Но при ее антипедагогических способностях я очень трудно это воспринимал и доучил французский язык, уже когда поступил в университет».

В Ленинграде Лев еще раз окончил 9-й класс, чтобы подготовиться к поступлению в вуз. Но у него, как «сына контрреволюционного элемента», отказались даже принимать документы. Юноша некоторое время работал чернорабочим на одном из заводов, а затем устроился на курсы коллекторов геологических экспедиций — геологов в то время катастрофически не хватало и на происхождение Гумилева закрыли глаза.

Геология как наука Льву «не зашла», тем не менее он с удовольствием вспоминал три месяца работы в экспедиции в Сибири. Затем была экспедиция в Таджикистан, продолжавшаяся 11 месяцев. В начале 1933 года он был уволен, официально — за нарушение трудовой дисциплины. Сам же Лев Николаевич вспоминал, что причиной была... спасенная от лабораторного ножа жаба: «Дело в том, что мой новый начальник экспедиции — очень жесткий латыш — зани-

мался гельминтологией, т. е. из животов лягушек извлекал глистов. Мне это мало нравилось, это было не в моем вкусе, а самое главное — я провинился тем, что, ловя лягушек (это была моя обязанность), я пощадил жабу, которая произвела на меня исключительно хорошее впечатление, и не принес ее на растерзание».

Лев проработал некоторое время на малярной станции, а осенью 1933 года вернулся в Москву. А в декабре того же года его в первый раз арестовали. Правда, первый арест закончился легким испугом — обвинения ему не предъявили, даже ни разу не допросили и через девять дней отпустили.

* * *

В мае 1934 года после долгого перерыва возобновил работу исторический факультет Ленинградского университета. Узнав об этом, Лев решил попытать счастья и подал документы на поступление. Экзамены он сдал не блестяще, а происхождение никуда не делось... И тем не менее, его приняли — сказалось практически полное отсутствие конкурса.

В университете Гумилев держался особняком. С одной стороны, он крайне бедствовал, ходил в той же одежде, которую еще три года назад носил в экспедиции. С другой — откровенно бравировал своим дворянским происхождением, с презрением относился к «простонародью». Неудивительно, что среди сокурсников он прослыл «контриком» и «антисоветчиком».

По воспоминаниям тех же сокурсников, в 1935 году Лев ожидал ареста за свои «антисоветские взгляды». И действительно, 23 октября он был взят под стражу; тогда же арестовали и Николая Пунина. Анне Ахматовой при содействии Бориса Пастернака удалось передать письмо Сталину. Это сработало — уже 3 ноября Гумилев, Пунин и их «подельники» были отпущены, а дело прекращено.

Лев обрел свободу, но вскоре его «освободили» и от занятий в университете — исключение, как это было принято в те годы, было инициировано комсомольской организацией истфака. Летом 1936 года он устроился в археологическую экспедицию, которая вела раскопки хазарского городища Саркел на Дону. А в конце октября того же года Лев Гумилев был восстановлен

Николай Гумилев и Анна Ахматова с сыном Львом.

Фотография. 1916 г.

на истфаке — решение об этом принял лично ректор университета М. С. Лазуркин (старый большевик, член РСДРП с 1903 года, в 1937-м он был застрелен следователем во время допроса). Лев сдал экстерном экзамены за 2-й курс и поступил на 3-й. Жизнь, казалось бы, стала налаживаться, но...

«В 38-м году я был снова арестован, и на этот раз уже следователь мне заявил, что я арестован как сын своего отца, и он сказал: “Вам любить нас не за что”. Это было совершенно нелепо, потому что все люди, принимавшие участие в “Таганцевском деле”, которое имело место в 21-м году, к 36-му уже были арестованы и расстреляны. Но следователь капитан Лотышев не посчитался с этим, и после семи ночей избиения мне было предложено подписать протокол, который не я составлял и который я даже не смог прочесть, будучи очень избитым... Суд, трибунал меня и двух студентов, с которыми я был еле знаком (просто визуально помнил их по университету, они были с другого факультета), осудили нас по этим липовым документам с обвинением

в террористической деятельности, хотя никто из нас не умел ни стрелять, ни на шпагах сражаться, вообще никаким оружием не владел».

Сначала Гумилева осудили на 10 лет, затем, после пересмотра дела, снизили до пяти. Льву пришлось пройти через Норильлагерь, с работой на лесоповале на 40-градусном морозе, эпидемию дизентерии, из-за которой он 3 дня лежал без сознания. Затем условия немного улучшились — Гумилева, как имевшего опыт работы в геологической партии, сделали геотехником. В марте 1943 года срок заключения истек, но для Льва мало что изменилось — он подписал обязательство работать на горно-обогатительном комбинате до конца войны.

Лев несколько раз обращался в соответствующие инстанции с просьбой отправить его на фронт. Наконец, осенью 1944 года пришел положительный ответ. Сам Гумилев расценивал это как невероятную удачу. Он буквально возненавидел «зеленую тюрьму» — тайгу и опасался, что даже после окончания войны не сможет выехать из Сибири. Лев воевал рядовым в 1386-м

зенитно-артиллерийском полку, который входил в 31-ю зенитно-артиллерийскую дивизию на 1-м Белорусском фронте. Закончил войну он в Берлине. Осенью 1945 года Гумилев демобилизовался и 14 ноября 1945 года вернулся в Ленинград.

«Мама встретила меня очень радостно, — вспоминал Лев Николаевич, — мы целую ночь с ней разговаривали, она читала мне свою новую поэму, свои новые стихи.

С Пуниным она уже рассталась совершенно, и у нее были две комнаты. В одну из них она меня пустила и прописала. И я поступил в аспирантуру Института востоковедения, но как только совершилось постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”, т. е. о моей маме, то меня оттуда выгнали, несмотря на то что за первый же год я сделал все положенные доклады и сдал все положенные экзамены. И диссертация у меня тоже была готова, но тогдашняя дирекция института, которой командовал доктор филологических наук Боровков, заявила, чтобы я убирался и они меня не поставят на защиту. И я оказался на улице с очень плохой характеристикой, совершенно несправедливой. Там было написано, что я был высокомерен и замкнут (хотя я очень общительный человек) и что я не вел общественную работу, которую мне, по правде сказать, и не поручал никто. Но с такой характеристикой защищать диссертацию было нельзя, и остались мы с мамой в очень тяжелом положении».

Хотя бы немного улучшить ситуацию Гумилеву удалось, устроившись на работу в библиотеку психиатрической больницы имени И. М. Балинского. Примерно в то же время он сумел добиться, чтобы его диссертацию приняли к рассмотрению в университетском совете ЛГУ. Защита диссертации на тему «Политическая история первого тюркского каганата» была назначена на 28 декабря 1948 года. Три месяца ожидания этого дня, как вспоминал сам Лев Николаевич, были «самым тяжелейшим временем в жизни» — он опасался, что диссертацию снимут с рассмотрения. Но все прошло по плану. «Это было для меня совершеннейшее торжество, потому что с этими академическими деятелями я устроил избивание младенцев, играя при этом роль царя Ирода» — да простится ученому некое самолюбование, однако защита действительно прошла блестяще.

Гумилеву удалось устроиться научным сотрудником в Музей этнографии народов СССР. Казалось бы, жизнь стала налаживаться? Но нет, это не про Гумилева. «Осенью того же 49-го года меня арестовали снова, почему-то привезли из Ленинграда в Москву, в Лефортово, и следователь майор Бурдин два месяца меня допрашивал и выяснил: а) что я недостаточно хорошо знаю марксизм, для того чтобы его оспаривать, второе — что я не сделал ничего плохого — такого, за что меня можно было преследовать, третье — что у меня нет никаких поводов для осуждения, и, в-четвертых, он сказал: “Ну и нравы у вас там!” После чего его сменили, дали мне других следователей, которые составили протоколы без моего участия и передали опять-таки на Особое совещание, которое мне на этот раз дало уже 10 лет. Прокурор, к которому меня возили на Лубянку из Лефортова, объяснил мне, сжалившись над моим недоумением: “Вы опасны, потому что вы грамотны”. Я до сих пор не могу понять, почему кандидат исторических наук должен быть безграмотен? После этого я был отправлен сначала в Караганду, оттуда наш лагерь перевели в Междуреченск, который мы и построили, потом в Омск, где в свое время сидел Достоевский».

Второй срок дался Гумилеву гораздо тяжелее. За время первой отсидки он ни разу не попадал в больницу, теперь же это происходило несколько раз в год. В письмах матери и знакомым Лев жаловался, что не надеется дожить до конца срока. Спасло его то, что в лагерной больнице работали достаточно квалифицированные врачи из числа заключенных. Немного легче стало, когда Льва перевели из Караганды в лагерь на Алтае.

После смерти Сталина лагерный режим стал менее строгим, однако до освобождения Гумилева прошло еще три года. Только в мае 1956 года Л. Н. Гумилев был признан невиновным и отпущен на свободу. Всего в тюрьмах и лагерях он провел почти 14 лет.

В мае того же года Лев Николаевич отправился в Ленинград. По пути остановился в Москве, где впервые после второго заключения встретился с матерью. И встреча эта была очень холодной. Вообще тема отношений Гумилева с матерью — очень тяжелая и противоречивая. По сути дела, выяснение того, кто прав, а кто нет, сводится к двум точкам зрения — матери и сына. Лев Николаевич считал, что Ахматова была за-

нята собой и не предпринимала мер по его освобождению, Анна Андреевна думала по-другому. Так или иначе, между ними произошел разрыв, а с 1961 года и смерти Ахматовой в 1966 году они полностью прекратили общение.

В октябре 1956 года Лев Николаевич устроился на должность научного сотрудника Этнографического музея. В следующем году Институт востоковедения предложил ему издать монографию. Гумилев с радостью согласился, и вскоре подготовил рукопись. Однако она была отправлена на доработку и только в апреле 1960 года увидела свет первая книга Льва Николаевича — «Хунну: Срединная Азия в древние времена».

Эта книга, по сути, обрисовывала научные убеждения, в ней были сформулированы принципы, которыми он руководствовался в дальнейшем как историк. Основные из них: 1) отрицание ведущей роли Европы в исторических процессах (антиевропоцентризм); 2) исторические и социальные процессы обусловлены природными особенностями той или иной местности; и наконец 3) зависимость хода истории от пассионарности.

Пассионарность, по Гумилеву, — это непреодолимое внутреннее стремление индивидуума к деятельности, направленной на изменение своей жизни, окружающей обстановки. Пассионарный человек считает неважной в этой связи жизнь окружающих людей, и даже свою собственную судьбу — главное для пассионария сверхусилия и сверхнапряжения. При этом пассионарии не являются героями — большинство из них растворяются в толпе, но именно они и определяют, в каком направлении будет двигаться эта толпа, страна, общество.

На основе подобного определения пассионарности Л. Н. Гумилев сформулировал свою теорию пассионарного этногенеза — концепцию, которая описывает исторический процесс как развитие этносов, прежде всего, через взаимодействие с окружающим ландшафтом и другими этносами.

И первая книга Гумилева, и последующие, и в целом теория пассионарного этногенеза вызвала и вызывает немало споров, у нее есть как горячие сторонники, так и не менее убежденные противники.

Оппоненты Гумилева упрекали его — и вполне оправданно — в стремлении выдать желаемое за действительное, за принятие «удобных» ему

предположений и гипотез как чего-то абсолютно доказанного и неопровержимого. С другой стороны, сторонников классической историографии откровенно раздражал критический взгляд на «железобетонные устои», например, на якобы фатальные для Руси последствия похода монголов на Запад. Мы не будем в этой небольшой статье углубляться в исторические споры, отметим лишь, на наш взгляд, главное. Теория пассионарного этногенеза — это одна из теорий, которая пытается объяснить исторические процессы. И как любая теория, она не может быть абсолютom. Но при этом самое безусловное достижение теории пассионарного этногенеза заключается в том, что благодаря ей и ее автору удалось расшевелить огромные пласты исторических убеждений, которые до этого оставались незыблемыми.

* * *

В мае 1961 года в Ленинграде состоялось обсуждение докторской диссертации Л. Н. Гумилева «Древние тюрки. История Срединной Азии на грани Древности и Средневековья (VI—VIII вв.)». Впоследствии, в 1967 году, она была издана в виде отдельной книги. В жизни Льва Николаевича наконец-то начался относительно благополучный период — он получил должность старшего научного сотрудника, у него была большая по меркам тех лет зарплата и собственное жилье (пусть даже это была небольшая комната в коммуналке). Спокойная и необременительная с точки зрения служебных обязанностей работа позволяла больше сосредоточиться на творчестве. Гумилев расширял спектр своих исследований — Хазария, Киевская Русь и др.

Во второй половине 1960-х годов Лев Николаевич, после долгих лет метаний и исканий, наконец-то оформил матримониальные отношения. С художницей Натальей Викторовной Симоновской он познакомился летом 1966 года. Через год он сделал ей предложение, а официальное бракосочетание состоялось в 1968 году. Брак оказался удачным — Наталья Викторовна, как говорят в таких случаях, полностью посвятила себя мужу.

Долгое время Гумилевы жили в коммунальной квартире в Ленинграде в доме на Большой Московской улице. Лев Николаевич хорошо за-

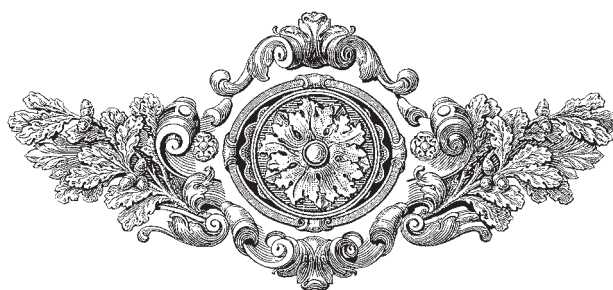
рабатывал, однако его потребности в быту были весьма скромными. По воспоминаниям друзей, Гумилева отличала некая эксцентричность — он, например, буквально ненавидел картофель, считая что он нанес огромный вред русскому крестьянину. Что же касается убеждений, то Лев Николаевич внешне очень строго (насколько, конечно, это было возможно в советское время) соблюдал православные обряды, однако, как свидетельствовали знакомые с ним люди, был скорее гностиком, чем христианином.

А в целом человек, прошедший через лагеря и бедность, при которой не хватало буквально на еду, был доволен своим положением. «Я просто был счастлив, — вспоминал Лев Николаевич, — что я могу ходить на работу, что я могу читать лекции. На лекции ко мне приходили не только студенты (не смывались, что всех удивляло), но даже в большом количестве вольнослушатели. И все эти 25 лет, которые я в университете, я занимался этой работой, а в свободное время — отпуском и каникулярное — продолжал писать книги по истории, географии и этнологии».

Правда, с 1982 по 1987 год книги и статьи Гумилева практически не издавались. Но с началом перестройки произошел прорыв — если до этого у него выходили 1–2 публикации в сборниках материалов конференций, то только за вторую

половину 1987 года — две книги и 14 статей. Его книги печатались внушительными тиражами, но при этом были невероятно дефицитными. Чего здесь было больше — интереса к творчеству и идеям Гумилева или же к нему как к незаурядной личности, сыну выдающихся поэтов и жертве тоталитарного режима? Сложно сказать однозначно. Но в любом случае Лев Николаевич стал невероятно популярной личностью, его приглашали вести лекции на телевидении, вполне всерьез рассматривалось предложение сделать его действительным членом Академии наук, минуя звание члена-корреспондента.

В том же, 1987 году, ученый вышел на пенсию. Но он по-прежнему продолжал преподавать (последнюю лекцию Лев Николаевич прочитал осенью 1990 года) и активно писал и готовил к изданию свои книги. Но после перенесенного инсульта состояние Гумилева резко ухудшилось. 23 мая 1992 года ему была сделана операция на желчном пузыре, а спустя пять дней он впал в кому и был подключен к аппаратуре жизнеобеспечения. 15 июня родными и врачами было принято решение об отключении аппаратуры. В тот же день было сообщено о кончине Льва Гумилева. Похоронен он был на Никольском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге.

Л. Н. Гумилев

ОТ РУСИ К РОССИИ

Очерки этнической истории

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Сегодня в нашей стране наблюдается небывалый рост интереса к истории. Чем он вызван, на чем основан? Часто можно слышать, что, запутавшись в проблемах современных, люди обращаются к истории в поисках выхода из тяжелых ситуаций, как говорили в старину, «за поучительными примерами». Пусть так, но в таком случае интерес к истории свидетельствует и о другом: современность и история воспринимаются большинством наших соотечественников как принципиально разные, несовместимые временные стихии. Часто история и современность просто сталкиваются лбами: «Нам интересна только современность и нужно знание только о ней!» Похвальные суждения можно услышать и в ученом споре, и в беседе за чаем, и даже в базарной склоке.

Действительно, для противопоставления современности и истории есть некоторые основания. Само слово «история» подразумевает «бывшее раньше», «несегодняшнее», а значит, историческая наука немыслима без учета изменений, отделяющих «вчера» от «сегодня». Количество и масштабы этих изменений могут быть ничтожны, но вне их история не существует. Говоря «современность», мы, напротив, имеем в виду некоторую привычную и кажущуюся нам стабильной систему взаимоотношений внутри страны и вне ее. Вот это-то привычное, знакомое, почти неизменное и понятное и противопоставляется обычно истории — чему-то неочевидному, неосознаемому и потому непонятному. А дальше просто: если мы не можем с современной точки зрения объяснить действия исторических персонажей, это значит, что они не были образованны, обладали многочисленными сословными предрассудками и вообще жили без благ научно-технического прогресса. Тем хуже для них!

И ведь мало кому приходит в голову, что в свое время прошлое тоже было современностью. Значит, видимое постоянство современности — обман, и сама она ничем не отличается от истории. Все хваленое настоящее — лишь момент, тут же становящийся прошлым, а вернуть сегодняшнее утро ничуть не легче, чем эпоху Пунических или Наполеоновских войн. И как это ни парадоксально, именно современность мнима, а история — реальна. Для нее характерна смена эпох, когда внезапно рушится равновесие народов и держав: малые племена совершают великие походы и завоевания, а могучие империи оказываются бессильными; одна культура сменяет другую, а вчерашние боги оказываются никчемными истуканами. Чтобы понять исторические закономерности, работали поколения настоящих ученых, книги которых до сих пор находят своего читателя.

Итак, история — это постоянные изменения, вечная перестройка кажущейся стабильности. Взглянув в каждый отдельный момент на определенную территорию, мы видим как бы фотографический снимок — относительно устойчивую систему из взаимосвязанных объектов: географических (ландшафтов), социально-поли-